

Тобольской епархіи числится до 797,885 душъ обоого пола; въ томъ числѣ дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) насчитывается 116,940 душъ обоого пола, изъ коихъ 57,623 мальчика и 59,317 дѣвочекъ.

(Продолженіе будетъ).

Θ. М. Достоевскій о графѣ Л. Н. Толстомъ.

Графъ Л. Н. Толстой, выступившій въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности въ качествѣ проповѣдника якобы чистаго, неповрежденнаго ученія Христова, защитника чистоты нравовъ и другихъ добродѣтелей христіанскихъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ себѣ массу поклонниковъ у насъ въ Россіи и за границей, пріобрѣлъ не столько логичностію своихъ выводовъ, сколько якобы оригинальностію своихъ взглядовъ, новизною своихъ якобы открытій. Христіанство состоитъ совсѣмъ не въ догматахъ вѣры, выдуманныхъ іерархіею, а исключительно въ пяти правилахъ: не сердись, не блуди, не клянись, не судись, не противься злу. Соблюдая эти правила, можно совсѣмъ ничего не знать изъ ученія Христова и тѣмъ не менѣе быть истиннымъ христіаниномъ. Вотъ резюме воззрѣній графа на христіанство. О несостоятельности такихъ воззрѣній нѣтъ нужды говорить: объ этомъ много было писано въ духовной литературѣ. Для насъ любопытно въ данномъ случаѣ знать, насколько состоятельнымъ является графъ Л. Н. Толстой предъ судомъ своихъ-же собратій—публицистовъ и въ частности предъ судомъ такого глубокаго мыслителя, какимъ, безспорно, былъ покойный Θ. М. Достоевскій.

Поводомъ, по которому Достоевскій имѣлъ случай высказаться о графѣ Л. Н. Толстомъ, главнымъ образомъ по вопросу о непротивленіи злу, какъ понимаетъ это непротивленіе графъ, было появленіе въ печати въ самый разгаръ русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. восьмой части романа графа Толстаго „Анна Каренина“. Въ этой послѣдней части своего романа графъ Толстой, какъ извѣстно, во многомъ выражаетъ свои собственныя убѣжденія и взгляды на тогдашнюю русскую дѣйствительность, влагая ихъ въ уста главнаго героя своего романа Левина. „Левинъ, какъ фактъ, есть, конечно, не дѣйствительно существующее лицо, а лишь вымыселъ романиста, говоритъ Θ. М. Достоевскій. Тѣмъ не менѣе этотъ романистъ—огромный талантъ, значительный умъ и весьма уважаемый интеллигентною Россіею человекъ,—этотъ романистъ изображаетъ въ этомъ идеальномъ, т. е. придуманномъ лицѣ, частію и

собственный взглядъ свой на современную нашу русскую дѣйствительность, что ясно каждому, прочитавшему его замѣчательное произведение. Такимъ образомъ, судя объ несуществующемъ Левинѣ, мы будемъ судить и о дѣйствительномъ уже взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ современныхъ русскихъ людей на текущую русскую дѣятельность.... Взглядъ этотъ столь значительнаго русскаго писателя... выразился точно и окончательно именно въ этой восьмой и послѣдней части его произведенія“.

Чтобы рельефнѣе представить сущность взгляда графа Л. Н. Толстаго на „восточный вопросъ“, 6. М. Достоевскій приводитъ изъ романа графа Толстаго «Анна Каренина» слѣдующій діалогъ между Левинымъ и его единоутробнымъ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Казнышевымъ:

.... Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе человѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ единокровныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣрцевъ, а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ: чувство возмущается и русскіе люди бѣгутъ, чтобъ помочь прекратить эти ужасы. Представь себѣ, что ты бы шелъ по улицѣ и увидѣлъ бы, что пьяные бьютъ женщину или ребенка: я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому человѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго.

— Но не убилъ бы, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты бы убилъ.

— Я не знаю. Если бы я увидѣлъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному, но впередъ сказать я не могу. И такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть.

— Можетъ быть для тебя нѣтъ, но для другихъ оно есть, недовольно хмурясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ „нечестивыхъ агарянъ“. Народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ.

— Можетъ быть, уклончиво сказалъ Левинъ, — но я не вижу; я самъ народъ, и я не чувствую этого...

„Здѣсь довольно любопытный психологическій фактъ, продолжаетъ 6. М. Достоевскій. Съ живыхъ людей сдирается кожа въ глазахъ ихъ дѣтей; въ глазахъ матерей подбрасываютъ и ловятъ на штыкъ ихъ младенцевъ, производится насильничаніе женщинъ и въ моментъ насилія онѣ прокалываютъ ее кинжаломъ, а главное мучать въ пыткахъ младенцевъ и ругаются надъ ними. Левинъ говоритъ, что онъ не чувствуетъ ничего и азартно утверждаетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и

не может быть. Но смѣю увѣрить г. Левина, что онъ можетъ быть и что я самъ былъ тому уже неоднократно свидѣтелемъ... Конечно, есть просто безчувственные люди, грубые, съ развитіемъ извращеннымъ. Но вѣдь Левинъ, кажется, не таковъ... Это человѣкъ чувствительный, и вотъ, какъ чувствительный то человѣкъ, онъ и боится убить... турку. Представимъ себѣ такую сцену: стоитъ Левинъ уже на мѣстѣ, тамъ, съ ружьемъ и со штыкомъ, а въ двухъ шагахъ отъ него турокъ сладострастно готовится выколоть иглой глазки ребенку, который уже у него въ рукахъ. Семилѣтняя сестренка мальчика кричитъ и какъ безумная бросается вырвать его у турка. И вотъ, Левинъ стоитъ въ раздумьи и колеблется:

— Не знаю, что сдѣлать. Я ничего не чувствую. Я самъ народъ. Непосредственного чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть.

Нѣтъ, серьезно, что бы онъ сдѣлалъ послѣ того, что намъ высказалъ? Ну, какъ бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать сейчасъ же изъ рукъ злодѣя турка?

— Да, вырвать, но, вѣдь, пожалуй, придется больно толкнуть Турка.

— Ну, и толкни!

— Толкни! А какъ онъ не захочетъ отдать ребенка и выхватить саблю? Вѣдь придется, можетъ быть, убить турку?

— Ну, и убей!

— Нѣтъ, какъ можно убить! Нѣтъ, нельзя убить турку. Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше выколѣтъ глазки ребенку и замучить его.

Вотъ какъ долженъ поступить Левинъ,—это прямо выходитъ изъ его убѣжденій и изъ всего того, что онъ говоритъ.

..... Двадцать лѣтъ тому назадъ мы бы молчали (говоритъ Сергѣй Ивановичъ), а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ, и готовъ жертвовать собой для угнетенныхъ братьевъ; это великій шагъ и задатокъ силы.

— Но, вѣдь, не жертвовать только, а убивать турокъ, робко сказалъ Левинъ. Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души, а не для убійства...

„То-есть, другими словами, поясняетъ Ѳ. М. Достоевскій, возьми, дѣвочка, деньги, жертву для души нашей, а ужъ братишкѣ пусть выколѣютъ глазки. Нельзя же турку убивать“.

И потомъ дальше уже говоритъ самъ авторъ про Левина.

..... Онъ не могъ согласиться съ тѣми, чтобы десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того, что имъ рассказали сотни приходившихъ изъ столицы краснобаевъ-добровольцевъ, говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и мысль

народа, и такую мысль, которая выражается въ мщеніи и убійствѣ....

„Это несправедливо! восклицаетъ Ѳ. М. Достоевскій. Мщенія нѣтъ никакого.... Убиваютъ турокъ въ войнѣ, въ честномъ бою, не мстя имъ, а единственно потому, что иначе никакъ нельзя вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ безчестное оружіе.... А если не вырвать у нихъ оружіе и чтобъ не убивать ихъ—уйти, то они вѣдь тотчасъ же опять станутъ вырѣзывать груди у женщинъ и прокалывать младенцамъ глаза. Какъ же быть? Дать лучше прокалывать глаза, чтобъ только не убить какънибудь турку? Но, вѣдь, это извращеніе понятій, это тупѣйшее и грубѣйшее сентиментальничаніе, это изступленная прямолинейность; это самое полное извращеніе природы. Къ тому же, принужденный убивать турку солдатъ, самъ несетъ жизнь свою въ жертву, да еще терпитъ мученія и истязанія.... И когда бывало это, чтобъ помощь убиваемымъ, истребляемымъ цѣлыми областями, насилуемымъ женщинамъ и дѣтямъ и за которыхъ уже въ цѣломъ свѣтѣ некому заступиться—считалось бы дѣломъ грубымъ, смѣшнымъ, почти безнравственнымъ, жадой мщенія и кровопійства!.. Такіе люди, какъ авторъ «Анны Карениной», заключаетъ Ѳ. М. Достоевскій, суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики ихъ. Чему же они насъ учатъ?»... (Дневникъ писателя. Изд. А. Ф. Маркса. Томъ XI, ч. I стр. 238, 269—276).

Невольно вспоминаются слова Христа Спасителя: *горе вамъ, возжди слѣпѣи, яко взяте ключъ разумѣнія: сами не внидосте, и входящимъ возбранисте.* (Лук. 11, 52).

Священникъ Николай Тихомировъ.

Разныя извѣстія.

Царская церковно-приходская школа. Съ соизволенія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ одномъ изъ зданій Собственного Ея Величества Аничковскаго Дворца, устроена церковно-приходская школа. Школа эта, на 24 мальчика и 38 дѣвочекъ, принадлежитъ къ типу одноклассной церковно-приходской школы; мѣстный священникъ состоитъ въ ней законоучителемъ, а псаломщикъ обучаетъ дѣтей пѣнію; въ школѣ введено даже обученіе дѣтей ремеслу. Школа со всѣми особенностями сельскихъ церковно-приходскихъ школъ. Не только не худа, слѣдовательно, церковно-приходская школа, не для захолустныхъ селъ и деревень только она предназначена, какъ объ этомъ недавно еще писали ея недруги, но и любя она сердцу Царскому, если устроена въ самомъ дворцѣ Царскомъ, по волѣ Царицы-Матери. Сколько школъ въ Петербургѣ, какъ щедры наши Государи на